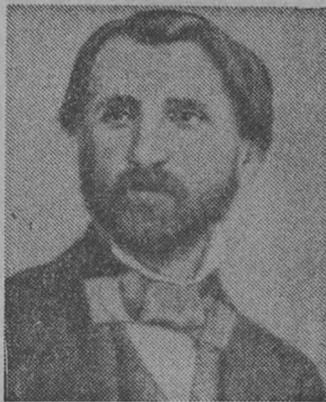

Сев. Кирьтура, - 1988, - Ноябрь

СИМВОЛ НАДЕЖДЫ

175 лет
назад
родился
Джузеппе
Верди

Статистики от геронтологии наверняка могли бы среди сегодняшних долгожителей отыскать современников и даже живых свидетелей последних оперных премьер великого мастера. Всего лишь несколько поколений отделяют нас от «Отелло» и «Фальстафа», венчающих более чем полувековой творческий путь мастера. Казалось бы, все так близко, и тем не менее искусство Верди никак не подвластно житейской хронологии. Подобно творениям других титанов мировой культуры, оно как бы вне времени и над ним. Впрочем, так было и при жизни композитора. Его имя стало легендарным уже тогда, когда темы из ранних вердиевских опер, пронизанных свободобливым пафосом, зазвучали на улицах городов поработенной австрийцами Италии, когда сцены всей Европы были покорены властным талантом достойного преемника Россини, когда под пером почти восьми-десятилетнего гениального старца родились шедевры, явившие собой вершинные достижения искусства уходящего XIX столетия...

С тех пор неизменно признание Верди величайшим оперным драматургом. В наши же дни, когда одновременно слышны заулокные речи в адрес оперы и славословия, восторги в связи с новым оперным бумом, значение Верди возрастает неизмеримо. Не последнюю роль здесь играет реакция на тотальное засилье музыкальной поп-культуры, противление ей, пусть, может быть, неосознанное, но несущее в себе истинную веру в высокие и вечные духовные ценности. И, конечно же, Верди — волнующий, демократичный, доступный — оказывается так необычайно близок и популярен сегодня. Многочисленные оперные фестивали немислимы без его произведений. Театры с благоговением и радостью открывают для себя и для публики красоты партитуры, считающихся раньше «неходовыми». Множатся кинопостановки вердиевских произведений. Пример тому — вдохновенная «Травиата» Ф. Деффирелли. Наконец, телевизионные фильмы, рассказывающие о жизни и творчестве композитора. Их успех у многомиллионной аудитории не случаен: приобрести к искусству великого мастера, открыть для себя новые грани его наследия, постичь тайны его творчества — вот причина жадного интереса. Каким образом выходец из крестьян, сын трактирщика в деревушке Ронколе стал первым оперным композитором Италии? Как почти самоучкой, одним лишь фанатичным усердием, волей, талантом достиг непревзойденного мастерства, обрел ту огромную культуру, которая дала ему всеведение духовного мира, постижение тончайших нюансов чувства, страсти, душевных движений?

Телефильмы дают нам старательно объективный, но все-таки чуть «прилизанный» образ композитора-киногероя. В воспоминаниях современников, письмах, документах облик Верди предстает сложнее. В его биографии (за исключением трагических событий, связанных с ранним периодом жизни) нет крутых поворотов, острых драматических коллизий, которыми, скажем, изобилует биография Вагнера. Нет в ней «блеска и нищеты» богемной артистической судьбы Россини. Жизнь Верди размереннее и спокойнее, но только внешне.

Известно, что он был суров, сдержан, замкнут и настолько далек от светской жизни, что, когда в Италии проводилась очередная перепись населения, Верди, в ту пору известный композитор, в графе «род занятий» демонстративно указал — «земледелец».

Известно, что и характер у мастера был

трудный. Упрекали его в невоспитанности, небезразличности, а уж кланяться по случаю или кстати не умел и вовсе. Несмотря на корректный тон его посланий к либреттистам, требовательность и непримиримость условий, которые он им ставит, поистине обескураживают.

А между тем, читая письма Верди, то там, то здесь обнаруживаешь «взрывы» его неукротимой индивидуальности, личности человека и гражданина. Вот строки письма, написанного либреттисту Пьяве в связи с вспыхнувшей весной 1848 года революцией в Милане: «Будь уверен, пробил час нашего освобождения. Этого хочет народ, а когда хочет народ, нет такой абсолютной власти, которая могла бы ему противостать... Я не написал бы ни одной ноты за все золото мира: меня мучили бы сильнее, угрызения совести, что я расходую нотную бумагу, которая так хороша для патронов».

Автор «Набукко», «Ломбардцев», «Эрнани» становится автором и революционного гимна «Звучи, труба!», борется с цензурой, отстаивая обличительный пафос своих опер, создает потрясающий «Реквием» памяти Мандзони — идейного вдохновителя борьбы Италии за независимость.

Цельность человеческой природы, исполненной ума, энергии, воли, накладывает свой отпечаток и на его творчество. Поистине изумляют сила и обаяние его искусства. Исследователей давно занимает феномен простоты музыки Верди. Казалось бы, он многим и во многом уступает: и сладкозвучию «божественных» мелодий Беллини, и феерическому блеску партитур Россини, и роскоши гармоний Вагнера, и тем не менее оставляет нас потрясенными простейшим мотивом песни об иве Дездемоны, мелодически скромным, но исполненным невыразимой тоски речитативом Филиппа, истощенным в своем отчаянии монологом Риголетто. А с чем, как не с потрясением, можно сравнить впечатление от звучания хорových сцен в операх Верди или хорových номеров из его же «Реквиема». А как вы его ансамбли, всегда наполненные трепетным чувством, психологически насыщенные, интонационно яркие, как живая выразительная речь! Наконец, как выпукло, психологически точно выписаны характеры героев, как подлинны их страсти, какая неопровержимая логика в каждом душевном движении!

Необычайную силу драматического таланта Верди одним из первых отметил проницательный Россини: «Мне очень нравится почти дикарская натура этого композитора, а также огромная сила, которая присуща ему в выражении страстей». Не случайно и в «соавторы» себе Верди берет художников, равновеликих по мощи творческого темперамента. — Шекспира, Шиллера, Байрона, Гюго.

Романтическая приподнятость, яркая театральность и психологическая глубина — вот неотъемлемые качества его музыки. Трудно найти другого композитора, кто бы так виртуозно знал и самозабвенно любил музыкальный театр, глубоко постиг его законы и одновременно открывал новые.

Истинный патриот своей родины, он оставался им и в творчестве. Когда в музыкальную жизнь Италии стало проникать сильное влияние художественных открытий Вагнера, Верди, глубоко почитая немецкого композитора, убежденно выступал в защиту национального искусства. «Если немцы, исходя от Баха, доходят до Вагнера, то они поступают как подлинны немцы, — говорил он. — Но мы, потомки Палестрины, подражая Вагнеру, совершаем музыкальное преступление, создаем искусство ненужное и даже вредное». Правоту своих слов он блестяще доказал делом, создав в конце жизни оперы, в которых, по словам П. И. Чайковского, «открывает итальянским музыкантам новые пути»...

Оперное наследие Верди — огромный мир художественных образов, неисчерпаемый по глубине и богатству. Каждое поколение открывает для себя этот мир, вновь и вновь испытывая волнующую радость постижения красоты и духовного величия вердиевских творений. И когда сегодня раздаются тревожные голоса, призывающие к возрождению нашей духовности, невольно обращаешь взор свой к титанической фигуре великого мастера как к ответственности надежды...

А. ВОРОТЫНСКИЙ.